

Индекс УДК 340.1, 340.13, 340.14
Код ГРНТИ 10.07.01, 10.07.27, 10.07.31, 10.07.61, 10.11.09
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-93-104

Е.В. ТИМОШИНА, Н.С. ВАСИЛЬЕВА, В.Е. КОНДУРОВ, А.А. КРАЕВСКИЙ*

Три царства права: теоретические модели действительности и действенности права

Несмотря на то что понятия действительности и действенности права уже давно находятся в центре внимания юридической науки, обсуждение этой проблематики имеет характер движения по кругу. Существующие подходы к пониманию действительности права предлагается систематизировать на основе двух критериев: 1) основание действительности, 2) соотношение действительности и действенности, выделив соответственно нормативные и метанормативные (с их последующим подразделением), монистические и дуалистические модели. Всё многообразие полученных моделей действительности и действенности права может быть сведено к трём типам: идеально-нормативному, психологическому и поведенческому, которые соответствуют трём аспектам бытия права. Используя в качестве методологического основания теорию трёх миров К. Поппера, а также концепцию трёх царств Г. Фреге, можно построить синтетическую теорию юридической действительности, основанную на взаимосвязи трёх модусов существования права: фактического человеческого поведения (действенности права), психических переживаний обязывающей «силы» права (легитимности права), а также норм и ценностей как идеальных объектов (идеальной действительности). Интеграция идеальной действительности,

* **Тимошина Елена Владимировна** — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), руководитель проекта «Действительность и действенность права: теоретические модели и стратегии судебной аргументации» (18-011-01195а).

E-mail: e.timoshina@spbu.ru

Васильева Наталия Сергеевна — кандидат юридических наук, помощник судьи Арбитражного суда Северо-Западного округа, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, преподаватель кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: nataliavasilyeva@hotmail.com

Кондуров Вячеслав Евгеньевич — преподаватель-исследователь, преподаватель кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: viacheslav.kondurov@gmail.com

Краевский Арсений Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: a.krajewski@yandex.ru

легитимности и действенности права позволяет также синтезировать общее понятие системной действительности, отражающее существование права во всех трёх мирах (царствах).

Ключевые слова: действительность права, действенность права, легитимность права, естественно-правовой подход, юридический позитивизм, правовой реализм, теория трёх миров К. Поппера, концепция трёх царств Г. Фреге

Действительность и действенность права: введение в проблему

Проблема понятия, оснований и соотношения действительности и действенности права имеет теоретический и прикладной характер.

В теоретическом аспекте понятие действительности права отсылает к основаниям «юридического», источнику долженствования в праве, понятие действенности указывает на социальную фактичность права. Проблематика действительности и действенности права обращает к фундаментальным вопросам правовой онтологии: 1) почему следует следовать правилу, иными словами – каковы основания действительности права; 2) что представляет собой обязывающая «сила» права, отличающая право от морали и других нормативных порядков; 3) какова роль принуждения в праве; 4) как идентифицировать действительное право в конкретном правопорядке; 5) что происходит с действительностью и действенностью права в ситуации революционной смены правопорядка и др.

Прикладной характер рассматриваемой проблематики связан с тем, что в качестве одного из аспектов действенности норм права может быть рассмотрена их юстициабельность – в судебных актах правовые нормы тестируются на действительность и действенность. По словам М. Вебера, судья «не просто скрепляет печатью уже достигнутый путём согласия... действующий порядок, а... оказывает воздействие на отбор того, что выживает как право» [1, с. 125].

Доктринальные модели действительности и действенности права могут также использоваться в качестве инструмента, позволяющего интерпретировать основания действительности и действенности конституционного и международного права.

Различные ответы на вопросы, охватываемые проблематикой действительности и действенности права, обуславливают фундаментальные расхождения между главными школами правоведения: естественно-правовой и позитивистской (в широком смысле – включая социологический и психологический подходы к праву, ориентированные на изучение права как факта). Первая связывает действительность с соответствием права какому-либо моральному стандарту, объективным моральным принципам и т.п.; вопросы действенности права зачастую остаются за рамками её внимания. Юридический позитивизм ищет основания действительности права в сфере юридического, призывая к отказу от метафизики и разграничению права и морали, а также обращаясь к вопросам специфики принуждения в праве; при этом в центре его внимания – вопросы действительности, эффективности права.

Вместе с тем противостояние естественно-правового и юридико-позитивистского подходов в вопросах действительности и действенности права превращает дискуссию в своеобразное «движение по кругу» – от требования моральной обоснованности права к надлежащему установлению права как основаниям его

действительности, от признания невозможности выведения должного из существующего к признанию «нормативной силы фактического» [2, с. 338] и т.д. Проблематика действительности и действенности права очевидно нуждается в каком-то новом взгляде — «поверх барьеров» и методологических ограничений, налагаемых соответствующими подходами. Разработка теоретической модели действительности права, в которой, с одной стороны, могли бы быть восприняты достижения юснатурализма и юспозитивизма, а с другой — была бы задана более широкая правовая онтология по сравнению с онтологиями, очерчиваемыми данными подходами, кажется перспективной научной задачей.

Классификация и типология моделей действительности и действенности права

Многообразные ответы на вопросы, охватываемые проблематикой действительности и действенности права, могут быть систематизированы на основании двух критериев: 1) основания действительности, 2) соотношения действительности и действенности, и таким образом

выделены соответствующие теоретические модели.

Согласно первому критерию основания действительности могут быть разделены на *нормативные* и *метанормативные* (рис. 1).

По критерию *нормативных* оснований выделены четыре модели действительности права:

- 1) *динамическая* — в которой основанием действительности является вышестоящая уполномочивающая норма либо норма, санкционирующая те или иные источники права (Г. Кельзен, Г. Харт, Е.В. Булыгин (применительно к системной действительности), представители инклюзивного юридического позитивизма);
- 2) *статическая* — предполагающая, что основанием действительности является обладающая прескриптивным, нормативным значением идея (норма), из которой все иные нормы выводятся как её логические следствия (И. Кант, Р. Дворкин);
- 3) *телеологическая* — предполагающая, что основание нормы — вышестоящая норма, средством для реализации

Рис. 1. Классификация моделей действительности права по критерию основания действительности

которой является нижестоящая норма (используется при аргументации позиций Конституционного Суда РФ); 4) *смешанная* – в которой возможны различные сочетания указанных оснований (Е.В. Булыгин и К.Э. Альчуррон, институциональный юридический позитивизм (О. Вайнбергер), некоторые представители современного юснатурализма – Г. Радбрух, Л. Фуллер, Р. Алекси).

По критерию *метанормативных* оснований могут быть выделены три модели действительности права с дальнейшей дифференциацией: 1) *анти-метафизическая*, в которой основанием действительности является факт; 2) *метафизическая*, предполагающая, что основанием действительности права являются сущности, обозначаемые с помощью метафизических понятий (природа сущего/человека, божественная воля и т.п.); 3) *смешанная*, объединяющая оба основания (представлена в концепции Дж. Финниса).

В рамках *антиметафизической* модели в зависимости от факта, обуславливающего действительность права, могут быть выделены: 1) *потестарная*

модель – факт власти (правовой этатизм, М. Тропер); 2) *институциональная* – фактически существующий социальный порядок – институт (классический правовой институционализм С. Романо); 3) *психологическая* – психологический факт самообязывания (психологический правовой реализм); 4) *социологическая* – факты человеческого поведения (Е.В. Булыгин (применительно к действительности [3, с. 193–194] как юстициальности)).

Метафизическая модель в зависимости от сущности, обуславливающей действительность права, включает в себя следующие: 1) *натуралистическая* модель – природа сущего (представители античной версии юснатурализма, с определёнными оговорками Б. Спиноза и Т. Гоббс); 2) *теологическая* – божественная воля (Аквинат, Иоанн Дунс Скот); 3) *антропологическая* – природа (разум) человека (Г. Гроций, Дж. Локк и др. представители рационалистической версии юснатурализма); 4) *идеократическая* – идея, не имеющая нормативного значения (М. Ориу, К. Шмитт).

В соответствии со вторым критерием (соотношение действительности

Рис. 2. Классификация моделей действительности права по критерию соотношения действительности и действенности

Рис. 3. Типы моделей действительности права

и действенности) предлагается выделить две теоретические модели: 1) *монистическая*, или модель тождества действительности и действенности, обычно приписываемая скандинавским правовым реалистам, что, однако, не вполне корректно: она прежде всего представлена социолого-правовыми теориями, такими как, например, концепция О. Эрлиха [4]; 2) *дуалистическая*, предполагающая разделение понятий действительности и действенности права и невозможность редукции одного к другому (рис. 2).

В рамках дуалистической могут быть выделены три модели: 1) *независимости действительности от действенности* (юснатурализм, классический правовой институционализм); 2) *зависимости действительности от действенности* (Г. Кельзен, институциональный юридический позитивизм); 3) *взаимобусловленности действительности и действенности* (Упсальская школа, А. Росс), в которой, в отличие от первых двух, основанных на разделении должного (действительность) и сущего (действенность), действительность и действенность отнесены к реальности сущего.

Представленные выше модели действительности и действенности права могут быть далее типизированы в зависимости от того, на каком аспекте бытия права делается акцент. Возможно выделить три типа: *идеально-нормативный, психологический, поведенческий* (рис. 3). К первому типу принадлежат концепции, делающие акцент на идеях в широком смысле, в том числе на нормах, понимаемых как идеальные объекты. К данному типу относятся нормативистские теории

Г. Кельзена, Г. Харта, Е.В. Булыгина, а также все естественно-правовые концепции. К этому же типу примыкает подход институционального юридического позитивизма, основанный на понятии особого рода институциональных фактов. К психологическому типу относятся теории, акцентирующие внимание на восприятии норм (нормативных фактов) индивидуальной психикой и чувстве связанности правом (континентальный (психологический) правовой реализм). Поведенческий тип образуют теории, делающие акцент на эмпирически воспринимаемых фактах (регулярностях) человеческого поведения (все антиметафизические модели действительности, за исключением психологических).

Возможность такой типологии представляется не случайным фактом, а следствием различия в том, на каком аспекте единого процесса создания, осуществления и изменения права делает акцент та или иная теория. Ни одна из концепций юридической действительности не отрицает полностью иные аспекты бытия права, но считает их имеющими второстепенное значение по сравнению с тем аспектом, на котором она концентрируется. Данная типология открывает возможность построения синтетической модели действительности и действенности права.

Три царства права

Основная идея синтетической модели действительности и действенности права состоит в том, чтобы, с одной стороны, учесть все три модуса существования права (идеально-нормативный

(ценностный), психический и поведенческий) и тем самым интегрировать исследования действительности и действительности права, основанные на различных методологических установках, а с другой – оставить её открытой для различных интерпретаций и акцентов.

Методологическими основаниями такой модели выступают теория трёх миров К. Поппера и ряд более ранних философских концепций [5], в частности теория трёх царств Г. Фреге [6], а также идея Г. Кельзена о том, что действительность права представляет собой его существование [7, 8]. Сообразно трём мирам К. Поппера или трём царствам Г. Фреге можно говорить о трёх мирах (царствах) права, в каждом из которых оно по-своему существует.

Предлагаемая модель основывается на идее о трёх взаимосвязанных аспектах бытия права: в мире физических (пространственно-временных) явлений (мир 1), в мире субъективных психических состояний (мир 2) и в мире идей (мир 3). Данная концепция позволяет соединить исследования, которые относятся к нормам (ценностям) как к идеальным сущностям (мир 3) и к психологическому пониманию права, которые рассматривают действительность права как его обязывающую силу, а нормы права – как мотивы поведения (мир 2), и исследования фактической реализации правовых норм в поведении (мир 1 и частично мир 2).

Первый модус существования права (мир 1) относится к фактическому человеческому поведению. В традиционном социально-психологическом смысле понятие поведения охватывает не только относящиеся к миру 1 телесные (физические) действия людей, но и психологическое отношение к ним, включая цели, мотивы и т.п. [9], т.е. явления, относящиеся к миру 2. Вместе с тем, следуя идеям психологического правового реализма, представляется необходимым сузить понятие поведения, разграничивая

внешние (наблюдаемые) действия людей в физическом мире и их психологическую характеристику. Право как социальное явление проявляется в массовом человеческом поведении, обладающем признаком регулярности. Вопрос о том, предшествует ли такому поведению норма или она, напротив, есть следствие социальных регулярностей, не имеет общего решения. Возможны ситуации, когда социальная регулярность существует до нормы, вместе с нормой или после её установления [10, р. 78–92].

В мире 2 право существует как явление индивидуальной психики. Человеческое поведение является разумным, осмысленным и мотивированным, и именно с такими его характеристиками связано право. Основываясь на идеях континентального (психологического) правового реализма [10, р. 84–85], можно выделить два аспекта психического существования права: интеллектуальный, предполагающий способность понимать смысл источников права (нормативных фактов), и эмоциональный, предполагающий переживание обязанности как мотива поведения. При этом мотивация, исходящая из сознания обязанности, свойственна всем этическим эмоциям – как моральным, так и правовым. Однако в отличие от моральных правовая обязанность переживается как то, исполнения чего может потребовать управомоченный субъект, что сообщает императивному переживанию дополнительную мотивационную силу, отсутствующую в эмоциях морали.

В своём третьем модусе (мире 3) право существует как совокупность идеальных объектов, категории которых различаются в разных философско-правовых концепциях. В классической естественно-правовой философии в качестве таких объектов выступают нормы естественного права, понимаемые в духе платоновских идей. Более поздние антипозитивистские правовые концепции рассматривают в качестве таких

идеальных объектов не конкретные нормы (правила), а абстрактные правовые принципы или правовые ценности. Однако как классические, так и современные естественно-правовые теории объединяет общее представление о независимом от социальной практики существовании идеальной основы права. Нормативно-позитивистское понимание третьего модуса существования права предполагает, что речь идёт об идеальных объектах — смысловых или лингвистических, имеющих определённую связь с первым и/или вторым модусами права, однако не сводимых к индивидуальной психике или фактическому поведению [8, р. 2, 26].

Таким образом, право одновременно существует во всех трёх мирах (царствах) — в качестве нормы как идеального объекта, в правовых переживаниях множества отдельных людей и воплощается в массовом фактическом поведении. Вместе с тем, принимая во внимание позицию К. Поппера, отметим, что мир 1 и мир 3 не могут прямо влиять друг на друга: их взаимодействие происходит через посредничество мира 2. Иными словами, субъективные психические переживания (мир 2) служат связующим звеном между идеальной действительностью права (мир 3) и социальным фактом его действительности (мир 1) (рис. 4).

Соответственно выделены три основные модели такой взаимосвязи.

1. «Мир 1 → мир 2 → мир 3». — Определённое массовое поведение (поведенческий модус) вызывает чувство связанности правом (психологический модус), в свою очередь влекущее за собой существование нормы как идеального объекта (идеальный модус).
2. «Мир 3 → мир 2 → мир 1». — Появление новой нормы в идеальном модусе (например, принятие нового закона) вызывает чувство связанности правом, в свою очередь влекущее за собой массовое поведение.
3. «Мир 2 → мир 1 → мир 2 → мир 3». — Правовые переживания, возникающие

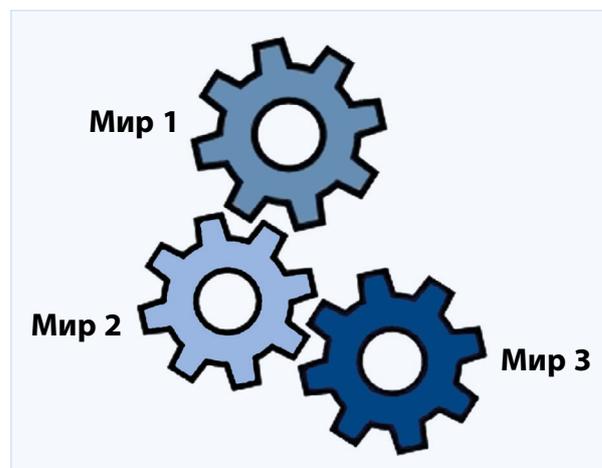

Рис. 4. Взаимосвязь трёх миров права

независимо от идеально существующей нормы или массового поведения, которые можно отождествить с интуитивным правом в концепции Л.И. Петражицкого [11], вызывают появление некоторой идеи, претендующей на общезначимость, и изменения в массовом поведении людей, после чего изменяются и правовые нормы. Такую идею саму по себе нельзя назвать правовой нормой. В отличие от правовых обычаев интуитивное право не является позитивным (выраженным в конкретном источнике права), т.е. невозможно говорить о постоянном единообразном поведении на основании конкретного правила. В данном случае речь идёт скорее о правовых переживаниях, вызывающих массовые, но кратковременные действия, влекущие за собой появление новых норм, примером чего могут быть революционные изменения правопорядка.

Взаимосвязь трёх царств (миров) права: пример правового обычая

Идею взаимосвязи трёх миров можно проиллюстрировать на примере правового обычая, существующего во всех трёх модусах права, взаимосвязь которых может быть описана по-разному, в зависимости от используемой доктрины правового обычая.

Так, теория современного римского права сформулировала ряд требований, которым должны удовлетворять правовые обычаи: 1) к действиям, из которых складывается обычай (мир 1), 2) к субъективному смыслу, придаваемому данным действиям самими акторами и третьими лицами (мир 2), 3) к содержанию обычаев (мир 3) [12].

Обычай должен складываться из многократных, единообразных и непрерывных действий (иногда бездействия), совершаемых продолжительное время, т.е. фактов, относящихся к первому модусу существования права. Психологический признак обычая состоит в том, что соблюдение обычая вызвано убеждением в его юридической обязательности. Соотношение психологического и поведенческого аспектов в конституировании правового обычая рассматривалось в доктрине различным образом: спиритуалистическая теория предполагала, что совершение обычно-правовых действий не создаёт, а только подтверждает право, уже существующее в народном сознании (модель «мир 3 → мир 2 → мир 1»); согласно материалистической теории – именно совершение действий формирует убеждение в юридической обязательности обычая (модель «мир 1 → мир 2 → мир 3»).

Проблема требований к содержанию обычая равнозначна проблеме разрешения коллизий норм и требует рассмотрения моделей взаимосвязи трёх модусов права, дополняющих общую модель возникновения правового обычая. Требование соответствия обычая разумности и/или нравственности равнозначно существованию нормы, отменяющей соответствующую обычно-правовую норму, т.е. здесь присутствует «законодательная» модель взаимодействия трёх миров («мир 3 → мир 2 → мир 1»). Аналогичное отменяющее значение имеет и законодательная норма о запрете обычая, противоречащего законодательству. Вместе с тем известное римскому праву действие обычаев *contra legem* описывается классической обычно-правовой моделью «мир 1 → мир 2 → мир 3», последний элемент которой, помимо прочего, отменяет норму закона.

Действительность, действенность и легитимность права

Таким образом, можно говорить о действительности (существовании) права в трёх мирах или о трёх разных его «действительностях» – фактической действительности, соответствующей миру 1, психологической

Рис. 5. Действительность, действенность и легитимность права

действительности, соответствующей миру 2, и идеальной действительности, соответствующей миру 3. Для разграничения трёх перечисленных понятий представляется целесообразным уточнить терминологию и соотнести фактическую действительность с действенностью, психологическую действительность — с легитимностью, а сам термин «действительность» использовать для обозначения идеальной действительности (рис. 5).

Регулярность массового человеческого поведения соотносится с понятием действенности в том смысле, как оно употреблялось Г. Кельзенем [13] или в поздних работах Е.В. Бульгина [3]. При этом массовое человеческое поведение может иметь разную «интенсивность» — разную частоту, продолжительность и широту распространения, а следовательно, и «действенность» может иметь разную степень. Под действенностью следует понимать совокупность уже свершившихся фактов, а не какие-либо ожидания их наступления в будущем.

Правовые переживания участников сообщества, психологическое признание (переживание) индивидами обязательности некоторой правовой нормы и т.п. могут быть соотнесены с понятием легитимности права [14–16], которая также может иметь разную степень как интенсивности правовых эмоций, так и степени их распространения среди субъектов.

Системная действительность права

Для выделения актуального права в мире 3 возможно использование одного из двух основных критериев либо их комбинации. Первый критерий, используемый естественно-правовой теорией, — метафизическая правильность. Данный критерий предполагает, что нормы могут быть правильными и неправильными, при этом к праву относятся только правильные нормы. Вопрос о том, какие нормы являются правильными, представляет собой отдельную проблему. Идеальную действительность, определяемую

первым критерием, можно назвать метафизической или статической. Метафизическая действительность самодостаточна и существует независимо от действительности и легитимности. Она может влиять на них, но сами они никакого влияния на неё не оказывают.

Действительность, определяемую вторым критерием, можно назвать динамической, или системной. Данный критерий состоит из двух взаимосвязанных элементов. Первый элемент — системность права. Правовая норма существует в мире 3 не просто как отдельный объект, а как часть более сложного идеального объекта — системы норм. Однако и это представляется недостаточным: чтобы отличить воображаемую систему от реальной, необходим второй элемент критерия — связь с миром 1 и миром 2, т.е. с действенностью и легитимностью. Таким образом, системная действительность, близкая идеям антиметафизической традиции в праве, предполагает сложную связь между разными уровнями нормативной системы и разными мирами (царствами) права. Для решения проблемы соотношения действительности и действенности можно использовать теорию ступенчатой структуры правопорядка, разработанную А. Мерклем и Г. Кельзенем [7], дополнив её решением проблемы взаимосвязи действительности и легитимности правовых норм разного уровня.

Системная действительность права может рассматриваться как диспозиционное свойство норм права, отражающее их предрасположенность к применению/реализации. В основе данного диспозиционного свойства лежит местоположение нормы в системе правовых норм, при этом действительность нормативной системы как целого основана на имевшей место социальной практике применения/реализации (действенности) нормативной системы в целом, которая складывается из фактов применения отдельных правовых норм.

Передача свойств системной действительности, легитимности и действенности между уровнями правовой системы происходит асимметричным образом: системная действительность и легитимность передаются от вышестоящих норм к нижестоящим при создании последних на основании первых, а действенность — от нижестоящих норм к вышестоящим при применении/реализации первых.

Заключение

На основе концепции трёх миров представляется возможным объединить исследования в области действительности и действенности, основанные

на различных методологических подходах. Результаты исследований психологических реалистов (мир 2), социолого-правовые исследования фактического поведения (мир 1) и традиционный для юриспруденции анализ норм (мир 3) могут не противопоставляться, а дополнять друг друга, при этом механизм взаимосвязи трёх царств права показывает, как именно происходит такая интеграция. Введение синтетического понятия системной действительности позволяет выразить общую идею действительности права как его существования во всех трёх мирах: фактическом, психологическом и идеальном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. III: Право. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Вступ. ст. И.Ю. Козлихина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
3. Булыгин Е.В. Судебные решения и правотворчество / Пер. с англ. Н.И. Сатохиной // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права / Под ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, С.И. Максимова. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 183–199.
4. Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: Юрид. книга, 2011.
5. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. Д.Г. Лахути; Отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
6. Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова; Под ред. З.А. Кузичевой: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 326–342.
7. Кельзен Г. Чистое учение о праве / Пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
8. Kelsen H. General Theory of Norms / transl. by M. Hartney. Oxford: Clarendon Press, 1991.
9. Юдин Э.Г. Поведение // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Науч. ред. совет: пред. В.С. Степин, зам. пред.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. С. 253–254.
10. Ross A. Directives and Norms. London: Routledge & Kegan Paul, 1968.
11. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000.
12. Краевский А.А., Тимошина Е.В. Jus non scriptum: о действенности правовых обычаев и их применении российскими судами // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 87–97.
13. Кельзен Г. Действительность и действенность права / Пер. с нем. М.В. Антонова // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права / Под ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, С.И. Максимова. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 294–315.

14. Антонов М.В. Легитимность и действие права // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 3. С. 48–81.
15. Антонов М.В. Легитимность, признание, действительность и отмена правовых норм в юридическом словоупотреблении // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5. № 2 (15). С. 118–124.
16. Поляков А.В. Коммуникативный смысл действительности права, его признания и идеи справедливости // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж: Наука-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 9–18.

ENGLISH

Three Realms of Law: Theoretical Models of Legal Validity and Efficacy

Elena V. Timoshina – Doctor of Science (Law), Professor at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University, head of the project “Validity and Efficacy of Law: Theoretical Models and Strategies of Judicial Argumentation” (18-011-01195a).

E-mail: e.timoshina@spbu.ru

Natalia S. Vasilyeva – Candidate of Science (Law), Judge’s Associate at the Arbitration Court of the North-Western District, Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State, St. Petersburg Branch of HSE University, Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: nataliavasilyeva@hotmail.com

Viacheslav E. Kondurov – Teacher-Researcher, Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: viacheslav.kondurov@gmail.com

Arseny A. Kraevsky – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: a.krajewski@yandex.ru

Notions of validity and efficacy of law have long been in the spotlight of jurisprudence, but the discussion on the respective issues is of a circular nature. We propose to systematize the existing approaches to legal validity on the basis of two criteria: 1) foundation of validity and 2) relation between validity and efficacy. This allows us to highlight normative and metanormative models (with further subdivision), as well as monistic and dualistic models, respectively. The variety of legal validity-efficacy models can be reduced to three types, which correspond to three aspects of legal phenomenon: ideal-normative, psychological, and behavioral. Using K. Popper’s theory of three worlds and G. Frege’s concept of three realms as a methodological basis, we construct a synthetic theory of legal validity based on the interconnection of the three modes of existence of law—actual human behavior (efficacy of law), psychological experiences of the binding force of law (legitimacy of law), as well as norms and values as ideal objects (ideal validity). The integration of ideal validity, legitimacy and efficacy of law also allows us to synthesize a general notion of systemic validity, which reflects the existence of law in all three worlds (realms).

Keywords: validity of law, legal validity, efficacy of law, legal effectiveness, legitimacy of law, natural law theory, legal positivism, legal realism, K. Popper’s three worlds theory, G. Frege’s concept of three realms

REFERENCES

1. Weber M. Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii. T. 3. Law. Moscow: HSE Publ., 2018. 331 s. (in Russian).
2. Jellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve / Intr. by I.Y. Kozlikhin. St. Petersburg: Yurid. centr Press, 2004. 752 s. (in Russian).
3. Bulygin E.V. Sudebnye resheniya i pravotvorchestvo / Transl. from English by N.I. Satokhina // Bulygin E.V. Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava. St. Petersburg: Alef-Press, 2016. S. 183–199 (in Russian).
4. Ehrlich O. Osnovopolozhenie sotsiologii prava / Transl. from German M.V. Antonov; ed. by V.G. Grafsky, Y.I. Grevtsov. St. Petersburg: Yurid. kniga, 2011. 703 p. (in Russian).
5. Popper K.R. Ob'ektivnoe znanie. Evolyutsionnyi podkhod / Transl. from English by D.G. Lakhuti; ed. by V.N. Sadovskii. Moscow: Editorial URSS, 2002. 384 s. (in Russian).
6. Frege G. Mysl'. Logicheskoe issledovanie // Frege G. Logika i logicheskaja semantika: Sbornik trudov / Transl. from German. B.V. Birjukov, ed. by Z.A. Kuzicheva: Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Moscow: Aspekt Press, 2000. S. 326–342 (in Russian).
7. Kelsen H. Chistoe uchenie o prave / Transl. from German by M. Antonov and S. Loesov. 2nd ed. St. Petersburg: Alef-Press, 2015. 541 p. (in Russian).
8. Kelsen H. General Theory of Norms / Transl. by M. Hartney. Oxford: Clarendon Press, 1991. 465 p.
9. Judin E.G. Povedenie // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. / Ed. board: pres. V.S. Stepin, vice-pres.: A.A. Gusejnov, G.Y. Semigin, secr. A.P. Ogurcov. Moscow: Mysl', 2010. S. 253–254 (in Russian).
10. Ross A. Directives and Norms. London: Routledge & Kegan Paul, 1968. 188 p.
11. Petrażycki L. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti. St. Petersburg: Lan', 2000. 608 s. (in Russian).
12. Kraevsky A.A., Timoshina E.V. Jus non scriptum: o dejstvennosti pravovyh obychaev i ih primenenii rossijskimi sudami // Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2020. № 12. S. 87–97 (in Russian).
13. Kelsen H. Deistvitel'nost' i deistvennost' prava / Transl. from German by M.V. Antonov // Bulygin E.V. Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava. St. Petersburg: Alef-Press, 2016. S. 294–315 (In Russian).
14. Antonov M.V. Legitimnost' i dejstvie prava // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. T. 13. № 3. S. 48–81 (in Russian).
15. Antonov M.V. Legitimnost', priznanie, dejstvitel'nost' i otmena pravovyh norm v juridicheskom slovoupotreblenii // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2018. T. 5. № 2 (15). S. 118–124 (in Russian).
16. Polyakov A.V. Kommunikativnyj smysl dejstvitel'nosti prava, ego priznaniya i idei spravedlivosti // Pravovaja kommunikacija gosudarstva i obshhestva: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt. Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Voronezh: NAUKA-JUNIPRESS, 2020. S. 9–18 (in Russian).